

О «ТЕЗИСЕ ФУРСА»

Иван Микиртумов

Я очень благодарен Евгению Малышкину, который посоветовал мне ознакомиться с дискуссией о «враке» Владимира Фурса и пригласил принять в ней участие. Занимаясь логикой и будучи профаном в тех материях, о которых повествуют уважаемые участники дискуссии, я сначала робел, но теперь я здесь.

«Враку» Фурса я осилил не дальше того места, где начинается перечисление «процедур» у Декарта, т. е. до середины первой страницы. Затем я стал читать «наискось», иногда пропуская абзацы. Почитав первую критику Аскольда Тимофеевко, я решил повторно прочитать «враку», но, увы, как дошёл до «процедур» у Декарта, взгляд поехал в правый нижний угол страницы – автор пишет «что-то не то». Дочитать до конца я более не пытался. Пусть простит меня Владимир Фурс (я куплю вину в дальнейшем), текст его «враки» – это постмодернистская болтовня. Хорошо ещё, что нет латинских и греческих слов, снабжённых оригинальными переводами. Такой болтовнёй набиты журналы, статьи и книжки на всех языках, и я не сомневаюсь, что список авторитетов, на которые Владимир ссылается, можно пополнять и пополнять. Мне понятно возмущение Аскольда Тимофеевко, когда вместо Декарта он столкнулся с медиа-гипер-Декартом, продуктом всеобщего высшего и тотального плюрализма. Не станем упрекать Фурса в том, что он попал под постмодернистский каток, все мы намотаны на его оси. Основная черта постмодернистского писательства – пишу, как мне пишется. Кажется мне про Декарта то-то и то-то в этот приятный вечер, так и напишу, пришёл мне на ум «протофилософский» опыт – жалко вычеркнуть, пусть будет; не читал я, например, Мальбранша, но мне Малышкин про него рассказывал, так и напишу, скорректировав мнение Малышкина на свой вкус. На полном серьёзе скажу: так тоже можно! Почему бы и нет!? В XIX веке все страдали за научность, языки учили – латинский, древнегреческий, да и европейских по несколько штук, все писания профессорам бородам показывали, примечания учёные составляли, публиковали по одной статье в несколько лет и т. д. Ну и что, стали добрее, умнее и красивее? Ни капельки. Знаний, например про античность, накопили столько, что только немногие уникамы в них ориентируются. Так что все правы, и Владимир Фурс, и Аскольд Тимофеевко: перевернуть или, наоборот, аутентично воссоздать Декарта – это и не хорошо, и не плохо, можно так, а можно эдак. Писатель и читатель постмодернистских времён оперируют не данными, т. е. некими точными проверяемыми

сведениями, а концептами (смыслами) чего бы то ни было, которые, как орехи в шоколаде, впаяны в интерпретацию. Крутизна такой интерпретации – в авантюристности и максимальной свободе от материала, которую автор нащупывает сам в пределах своей компетентности и некомпетентности аудитории. Но когда гонишь и знаешь, что гонишь, когда выдумываешь на ходу небывалые слова и интерпретации, ты обязан быть либо остроумным (когда пишешь некоммерчески для небольшого круга), либо конъюнктурным (если работаешь на продажу), иначе хоть вообще не пиши. Остроумна ли «врака» Фурса, я не могу сказать, поскольку, как уже говорил, читал её не всю. Но у Аскольда Тимофеенко плохо с чувством юмора, увы. Перефразирую одного авторитетного профессора: чтобы спорить с постмодернистской «вракой», нужно не иметь чувства юмора. Вот Андрей Паткуль чувство юмора имеет. Текст его изящен, корректен, хотя я ничего в нём не понял. Он произвёл герменевтику «враки» Фурса, хотя Фурс не во всём с ним согласился (этот текст я также не смог прочитать); и это реализовался философский процесс: каков привет, таков ответ.

Я извлёк из «враки» Владимира Фурса, т. е. из верхней половины её первой страницы, позитивное содержание, которое заинтересовало меня, наверное, в силу моих занятий логической теорией смысла и эпистемической логикой. (В остальном тексте «враки» встречаются отдельные интересные и верные суждения, в том числе касающиеся Декарта, например, о слабости доказательств бытия Бога, хотя это и не ново.)

Теперь перейду к тезису Владимира Фурса (далее – В. Ф.). Тезис этот состоит из двух частей: «(первая часть) *первично сознание представляет собой не некое антропологическое свойство, а совокупность рабочих процедур, обеспечивающих определённый режим генерирования философского знания*, (вторая) *и лишь впоследствии философы, работающие в этом режиме, убедили остальных людей, что все они обладают сознанием (убедили, впрочем, не совсем беспочвенно)*».

В первой части тезиса слабым местом является слово *первично*. Я готов, при ряде условий, о которых скажу ниже, допустить описание сознания как совокупности некоторых процедур порождения знания, но не согласен ни с первичностью этого его качества, ни с тем, что порождение знания вообще и философского в частности может иметь некоторый «приоритетный», «центральный», «основной» и пр. характер. Первично, вторично, третично и т. д. предполагают «историю» сознания или, говоря совсем уж плохими словами, его становление от чего-то, что сознанием не является и есть, скажем, у обезьяны, к тому, что делает философа философом. Антропологи рубежа веков любили описывать мышление «первобытное», «примитивное», «алогичное» – список эпитетов можно продолжать – у разных далёких народов. А как эти антропологи отличали «цивилизованного» человека от «дикаря»? У «цивилизованного» сюртук, котелок и трость, а «дикарь» ходит голышом, «цивилизованный» деньги хранит в банке и выписывает чек, а «дикарь» сушит гусениц на солнце, «цивилизованный» верит в истину–добро–красоту, а «дикарь» – в большую

змею, «цивилизованный» изобрёл науки и философии, а у «дикаря» свальность. Наконец, последний аргумент в пользу того, что «настоящее» мышление у «цивилизованного» белого человека и «специальное» — у «дикаря»: «цивилизованный» белый дядя за пустую консервную банку купил «дикаря» с его джунглями, затем продал, затем опять купил, затем выкорчевал джунгли, продал «дикаря» в рабство, затем освободил из рабства и одел на него сюртук, но подверг дискриминациям, затем боролся за его права, отменил дискриминации, опять насадил джунгли и пытается теперь снять с «дикаря» сюртук и вернуть на историческую родину, чтобы он там жил в виде национального парка; но «дикарь» этого не хочет, а хочет жить в городе и ходить в кино, поэтому за жизнь в джунглях ему приходится приплачивать. Мораль: кто кем руководит, тот и мыслит правильнее, а для чего руководит, как руководит — это и не важно. Если бы был бог и была уверенность в том, что разум, например, Декарта подобен божественному, то в дифференциации разных видов сознания и мышления удалось бы навести порядок: если ты, например, слаб в геометрии, в латыни или в греческих лириках, то мышление у тебя «не того», не вполне подобно божественному, а значит, доверять тебе в ряде вопросов не следует. Отсюда — ограничение в разного рода правах, наделение обязанностями «по способностям», выделение классов умных, глупых и тех, что посередине, и соответствующее распределение власти и богатств. Между прочим, это было бы самое стабильное и эффективное общество — приблизительно так Аристотель и думал, а вслед за ним множество консервативно настроенных интеллектуалов всех времён и народов. Но, увы, идеал недостижим, и у кого голова лучше — это вопрос без ответа. Основываясь в основном на интуиции, я склоняюсь к мысли, что никакого становления сознания и мышления нет, т. е. «истории» сознания нет, но при этом не буду отрицать, что однажды появился первый мыслящий субъект, обладающий сознанием, подобным моему. До него таких субъектов не было, а были какие-то другие, психические способности которых были иными. Просто иными, не лучше и не хуже. И если у меня — сознание, то у них — нет, и это им не в укор.

Сказать, что философы убедили кого-то в чём-то (вторая часть тезиса В. Ф.) — это значит, на мой взгляд, исказить суть философии и роль философов. Очень неприятно множественное число — «хор философов» — это что-то невероятное. Взыскательный мыслитель и себя самого с трудом может убедить, не говоря уж о другом мыслителе и, тем более, о публике, для которой наши проблемы едва ли заметны. Философия вошла в число наук от широты греческой души, для которой не имеющее практического применения знание, полученное достойными людьми в достойной беседе, не проигрывало в имидже практически полезному знанию. Эта широта души из гуманитарных (в прямом и переносном смысле) соображений культивировалась по следам греков со времени Ренессанса, достигла своего пика к началу XX века и забралась ещё выше на наших глазах, что подтверждается процветанием сонма лженаук. Философию продолжают держать в

списках наук «за компанию» со многими другими, относительно нужности финансирования которых имеются лишь общие соображения всё того же гуманитарного характера, из-за чего предпочитают не спорить ввиду малой цены вопроса. Чтобы меня правильно поняли: я говорю здесь не о том, кто и зачем философствует, а о том, готов ли я раскошелиться на содержание философов и в каком объёме. Честно говоря, если на классическую филологию я готов дать несколько рублей, то на философию – нет. Если она чего-то стоит, то сумеет заявить о себе и процвести в узком кругу бескорыстных любителей.

Теперь, прежде чем перейти к уточнению тезиса В. Ф., я хочу указать на терминологическое несоответствие. То, что В. Ф. называет «процедурой», лучше, как мне кажется, называть просто методическим приёмом. Процедура – это действие, которое выполняется шаг за шагом и предполагает, во-первых, ясность того, какой результат может быть получен на каждом шаге, и, во-вторых, направленность на некоторое состояние предмета воздействия как на цель. Процедуры мы применяем к предметам и явлениям, которые уже достаточно хорошо знакомы, а попытка действовать по некоторой известной процедуре в новой ситуации или в отношении нового объекта, как правило, не приносит успеха: если я научился взнуздывать пони, то применение этой процедуры к гиппогрифу приведёт к «непредсказуемым последствиям». Похоже на то, что в тезисе В. Ф. понятие процедуры не до конца различено с понятием методического приёма. Для «враки» это нормально. Я вижу у В. Ф. две идеи. Грубо: (1) есть мыслительные процедуры, с помощью которых можно получить описание сознания; (2) имеются методические приёмы, конституирующие конкретное философское мышление. Обе идеи В. Ф. хорошие. Каталогизировать у некоего классика его методические приёмы – это было бы весьма поучительно. (В Калининграде есть достойный автор – А. М. Сологубов. Недавно он написал кандидатскую диссертацию, в которой подверг детальному анализу работу Канта «... о поговорке ...», проявив все использованные там методические и аргументативные приёмы. Читать эту работу мне было очень интересно. Но излюбленные методические приёмы есть не только у философов, но и у профанов, например у следователей и врачей. Философ же непредсказуем, и, конечно, вопрос не в том, есть ли у него методический приём, а в том, почему он использует именно его.)

В рамках дескриптивной психологии можно описывать сознание как набор мыслительных процедур, которые им осуществляются, понимая последние в каком-то специально уточняемом «широком» смысле. Для каких-то целей это будет плодотворно, например, при описании возрастного созревания мышления или видов деятельности. Всё, что образует наш опыт, подразделяется по подобию, аналогии, сходству и т. п. и в таком виде сохраняется в памяти. Если считать законченный фрагмент опыта, способный предопределять акт сознания, мыслительной процедурой, то для каждого акта мы получим набор таких процедур, каждая из которых претендует на роль образца его осуществления. Исключив проявления воли и/или свободу, мы увидим

рутинное воспроизведение процедур, уже освоенных ранее и обеспечивающих прикуривание сигареты, произнесение ругательства, постановку диагноза и, в том числе, зачин размышления по некоторому поводу и ходы такого размышления.

Разнообразный опыт, в том числе и опыт собственной интеллектуальной деятельности, приносит множество освоенных мыслительных реакций и процедур. Сильный в рефлексии ум способен управлять выбором из этого множества такого «движка» для конкретного размышления, который был бы адекватен предмету мысли, затем переменить его, когда это потребует, и в любой момент уметь дать себе отчёт в том, в какой степени результаты размышления обусловлены артефактами тех или иных мыслительных процедур. Но к методическим приёмам это не относится, поскольку последние неотделимы от содержания и не являются формой или клише. Сомнение риторически проговаривается Декартом как методический приём, как правило, но оно в этом своём качестве не является мыслительной процедурой, подобно тому как для архитектора замысел дома с конкретными размерами площадки, каким-то решением по этажности, высоте, колоннам и фронтонам – это конкретная реализация идеи дома в данном месте, в данное время и при данном бюджете (что соответствует методическому приёму этого архитектора строить дома так, как он это делает), а соотношение длины и ширины окон и колонн, их ритм, завершение колоннады фронтоном некоторых пропорций раскладываются на мыслительные процедуры, которыми привычно руководят интуиция и навык. Ну и, наконец, мыслительные процедуры спонтанно всплывают из трансцендентного далёка и оформляют наши размышления, а методический приём – это плод умственных усилий.

Сколько есть философских писателей, которые не отдадут себе отчёта в том, почему их мысль движется в ту или иную сторону! Самое печальное впечатление производят философствующие естественники. Придя, например, к могучей мысли, что общество подобно организму, такой естественник, используя свои знания о лягушках и глине, строит теорию общества. Кто не знает синергетику – наиболее курьёзный результат «слияния наук», мудрость которого зиждется на «диалектике» порядка и хаоса!

Преимущество философствования в способности различить реализуемые мыслительные процедуры и в свободном выборе жанра и методических приёмов. Нагруженность артефактами этих инструментов увеличивается с нарастанием. Методический приём – это сплошной артефакт, в котором средство и предмет не различаются вовсе, подобно тому как тесто подходит на дрожжах. Жанр же используется для того, чтобы абстрагироваться от дискурса. Диалоги Платона – ярчайший пример. Чтобы в этом убедиться, достаточно предпринять попытку изложить содержание, например, *Пармениды*, *Софиста* или *Федона* в виде трактата, но без домыслов и интерпретаций. Это относится и к теории государства по следам *Государства* и *Законов*. Там встречаются такие вещи, что иначе как устами Сократа или какого-то другого очень мудрого старца их не изложить.

Другой пример — «Ницше *Заратустра*: пересказ в конспективном изложении» — кто возьмётся? Дело не в том, что Платон или Ницше специально мистифицируют и путают читателя, просто философ заботится о том, чтобы его тексты понимали так и настолько, насколько он этого хочет. У Декарта просматриваются жанр и стиль, которым он так или иначе следует. Они аристократичны и светски. Фрагменты его текстов вполне можно как опубликовать в виде трактата, так и сделать частью письма другу или какой-нибудь герцогине. В те времена письма читали внимательно и, если в них не было тайн, вслух. В окружении герцогини были прелат — духовник, кузина — старая дева, графиня — подруга детства, приехавшая погостить на пару месяцев, пара компаньонов и пара приживалок. Вот эта публика могла слушать письма Декарта в исполнении одной из компаньонов. Читательно? Вполне. Понятно? Весьма. Благоразумно? Очень. Благочестиво? Да. «Мой друг Картезий хорошо владеет пером, ум его последователен и строг», — скажет герцогиня и будет права. «Много вольномыслия, но Господа не забыл, как эти, которые...», — скажет кузина — старая дева. В общем, по-настоящему аристократический автор: эlegantен, разумен, полон достоинства, никаких резкостей, бога не забывает. Такая светскость присуща, например, Бэкону, Локку, Руссо, Монтескьё и даже Лейбницу, но потом начинается вакханалия профессоров, романтиков и профессоров-романтиков, а светский тон в «умных» вопросах стали задавать журналы, Чаадаев, Спенсер, Хомяков и пр. Мог бы Декарт быть таким, как Бруно или Спиноза, маргинальным, несветским персонажем? Жабо, шпага, шляпа с пером и *cogito ergo sum* связаны между собой крепко, причём связаны чисто стилистически.

Декарт риторичен, особенно в *Рассуждении о методе*, где изрядно налито «воды». Этот стиль изложения — на французском языке и обыденным языком — значим не менее содержания. Он хочет сказать: «Я философствую, я — один из вас, благородных, образованных, читающих людей, для которых достоинство есть достоинство разума. Мою интеллектуальную биографию я вам демонстрирую, чтобы вы могли сравнить её со своим умственным развитием. Мнения записных “философов” мне не интересны, мне интересно ваше мнение. Я человек благонамеренный, трезвый, строгих правил, “всё в меру”, во всём метода». Отсюда и риторика «правил», «метода», «руководства ума». Декарт не случайно оказался для В. Ф. «родным», «стариком Декартом», на котором можно оттоптаться в процессе «активной интерпретации». Декарт с достоинством, но просится в компанию, обещает разговоры на равных. И тем самым он создаёт «случай Декарта», так возмущивший Аскольда. Этот «случай» — его личный тон, биографические детали (так же, как у Ларошфуко, де Реца, Монтеня и т. д.) — надо понимать как риторическую фигуру и стилистический приём, и современники так всё это и понимали, не лезли к почтенным авторам на интерпретациями и пивом, а сейчас в нашей вольнице неизбежно получается «старик Декарт» — и с этим ничего не поделаешь. (А про «старика Сократа», босоногого, в грязной рубахе, на ложе

с Алкивиадом, мы не забыли?! — это стилистические приёмчики Платона и его школы.)

В этой связи замечу, что «враку» В. Ф. о Декарте в научный журнал не пошлешь (не по-научному писано), в письме другу не отправишь даже по e-mail («Я, — скажет друг, — что, обязан это читать?!»), зато её приемлет интернет. Спасибо ему за это. А насколько жанр влияет на «движок» философствования — это хороший вопрос.

Моя редакция тезиса В.Ф. выглядит так: *для ряда целей сознание удобно представлять как совокупность мыслительных процедур, методических приёмов и жанрово-стилистических предпочтений, обеспечивающих определённый режим генерирования знания, в том числе философского; тогда философ представляется нам работающим в режиме философского знания, который он не может покинуть, не утратив единственно возможной позиции, в которой мыслящему разуму доступен выбор мыслительных процедур, жанра, стиля и методических приёмов, а потому философ оставляет все прочие режимы сознания в стороне (они ему могут быть просто неизвестны) и в качестве гипотезы допускает, что остальные люди также могут обладать философствующим сознанием (что находит разнообразные подтверждения, хотя и не может получить статус общего закона).*

Наконец, последнее. Все, кто будут придирается к методическому приёму самого В. Ф., должны прежде учесть, что от любого приёма ждут новых знаний, причём в данных конкретных обстоятельствах и относительно конкретных целей исследования. Приём В. Ф. может оказаться релевантен в одном случае и нерелевантен в другом, и это совершенно нормально: не бывает универсальных «исследовательских машин», и как бы нам ни были милы, например, Хайдеггер или Маркс с Лениным, или Гегель, ни на ком из них не построить такой «машины». Описание самого приёма, вне связи с целями и результатами, почти лишено смысла и может вызвать только недоразумения, к числу которых я готов отнести и свою реплику.

Аскольд Тимофеенко: Не могу не согласиться с тем, что мои замечки на *Враку* грешат недостатками, в том числе и недостаточной сочностью, и прежде всего весёлой сочностью, то бишь недостаточностью юмора. Однако именно недостаток юмора столь же легко пополняется, сколь и остаётся... малосущественным, если сразу не принять чуточку заниженных требований к себе, к друзьям по философскому досугу и ко времени, в котором мы все оказались. Впрочем, сразу сделаю оговорку — наверняка претензия к неюмористичности моих заметок есть юмористический по смыслу пассаж хотя бы в той мере, в какой для Ивана Микиртумова выглядит, очевидно, юмористичным ответ Андрея Паткуля, изящный, корректный и... сплошь непонятный. Да, нужно уже смеяться, чтобы непонятное квалифицировать корректным. Однако я готов присоединиться к веселью и готов посмеяться над собой и друзьями, смеющимися надо мной и собой по ходу обсуждения *Враки*. Готов. Но на некоторое время. Не насовсем.

Ибо я не готов вовсе и как бы без оглядки смеяться над временем, в котором мы оказались с нашими философскими занятиями, именно тогда, когда я понимаю это время не только как всеобщую намотанность на огромный каток позитивизма-гуманитаризма (прошу прощения за неловкий неологизм — называть постфилософствующих интеллектуалов постмодернистами не считаю корректным). Парафразируя Лейбница, скажу: наше время не лучше и не хуже любого другого времени в истории, и в истории чудес не бывает. Или вот другой парафраз: вот наше время, тут нам и прыгать — на далёкие временные Родосы, прошлые или грядущие, нечего кивать. Впрочем, и Иван Микиртумов, кажется мне, отнюдь не смеётся, когда констатирует современное нам процветание сонма лженаук. И тут уже ему можно возражать без всяких юмористических оговорок: первая причина такого процветания установлена им неверно в той мере, в какой это не мифологическая широта известной народной души, но собственное изобретение (установление) философии. Наука есть внутрифилософский феномен. А стремление к наукоподобию и наукообразию — следствие той славы, которую благодаря Платону и Аристотелю наука философия стяжала. И никакая грамматика (ныне именуемая филологией), имеющая прямой интерес к классической словесности, классический смысл науки, то есть прежде всего философии, не воспроизведёт — ибо нужно будет заняться философской работой напрямую. Теория ведь грамматикой не воспроизводится, но только передаётся-переписывается, верно? И искусством интерпретации теоретического разбирательства не заменить, не так ли?

Кроме того, без смеха, но с недоумением замечу: разве Декарт для французов и прочих образованных людей прежде всего и только воспитатель манер и образец светскости? А не муж, острый и глубокий своим умом и учёной славой благодарно осиянный? И не какой угодно учёной славой, но славой первой философии и философии второй, метафизики и физики? И ещё переспрошу недоумённо: разве риторические и этико-научные пассажи в трудах Декарта — это всего лишь показатель стилистической искущённости, а не пример проработки состава научного, искусного и опытного знания в таком целом, в котором части хорошо сочетаются друг с другом? Не нужно ли всегда в жанре видеть и жанрово изображаемые предметы? Предметы философские. (На которых, между прочим, и проверяются на исполнимость процедуры и которые представляют собой такие «цели», которые требуют не удобства процедур, а их необходимости.) Наука, изложенная Декартом, — это наука, а не стильное упражнение в хороших манерах. То есть, прежде всего наука. И потом тоже наука. И потом наука. И только уже потом-потом-потом — научная беллетристика, о которой можно спорить, наполнена ли она благоразумием и учтивостью или всякими экзистенциальными страстями...